

Ряд статей газеты «Северо-Западный край», опубликованных в 1903—1904 гг., был направлен непосредственно против марксизма, его философии и социологии. В марте 1903 г. Я. Окунь в напечатанном газетой журнальном обзоре подробно рассмотрел статью «Исторический материализм», опубликованную в журнале «Русская мысль» № 1 за тот же год. Статью эту написал профессор Томского университета П. С. Климентов. Он выступил против исторического материализма как теории, против учения Маркса и Энгельса об обществе. Я. Окунь характеризует эту статью «как чрезвычайно ценный вклад в русскую научную литературу», считает, что в ней особенно замечателен критический анализ экономического учения марксизма. Законы капиталистического хозяйства, открытые Марксом, по мнению Климентова и Окуня, далеко не точны, следствием чего и была «несостоятельность научного прогноза» марксизма.

Особенно ожесточенным нападкам Климентова и Окуня подверглась философия марксизма. Материалистическую диалектику Маркса и Энгельса Климентов сводил к идеалистической диалектике Гегеля. Диалектика, утверждал он, свойственна лишь деятельности ума, деятельности понятия, откуда истекает само развитие идеи. «Из познания тождества и различия, субъекта и объекта, конечного и бесконечного рождается творческая идея, которая в своем диалектическом движении равносильна вечному духу, вечной жизни, вечной власти над человеческим умом». В действительной же жизни, считает он, диалектического процесса нет. Поэтому прогноз Маркса, выработанный, по мнению П. С. Климентова, диалектическим приемом мышления, а не отражением жизни, якобы доказывает несостоятельность учения о классах и классовой борьбе, неприемимость марксистской теории к жизни.

Выступления буржуазных авторов в легальной прессе Беларуси против марксизма и его философии, пропаганда идеалистических воззрений накануне революции 1905—1907 гг. — неслучайное явление. Господствующие классы и их идеологи, стремившиеся сохранить в целостности и неприкосновенности существовавшие в стране порядки, не могли примириться с марксизмом, ставшим в это время заметным течением общественной мысли России и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова О. И. Из истории общественной мысли Белоруссии к. XIX — нач. XX в. — Мн., 1972. — С. 35.
2. Там же. С. 37.

УДК 003:1

А. В. Кузьмин, ассистент

ФИЛОСОФСКАЯ ГРАММАТОЛОГИЯ: ЗАПАД И ВОСТОК

The article gives a comparative analysis of writing and eastern hieroglyphs from the point of view of post-modernism.

Философская грамматология рассматривается как особая познавательная дисциплина, призванная исследовать роль письменности в культуре, взаимосвязь и взаимовлияние письменности и культуры в истории общества. Хотя философская грамматология и возникла значительно позже лингвистической, а ее возникновение связывалось с необходимостью анализа и решения таких проблем, которые не находили своего места

в языковедческих исследованиях, уже с самого своего начала она явно тяготела к лингвистике: это ее устремление сохранилось и поныне.

Грамматология, по Деррида (представитель постмодернизма), является той уникальной дисциплиной, которая, претендуя на научный и философский статус, сталкивается с основополагающей проблемой научности и логичности. Эта проблема встает не просто применительно к нарабатываемому философской грамматологией знанию; речь идет о проблеме научности, равно как и проблеме логики и рациональности как таковых.

Уже сами поиски объекта грамматологического исследования — письменности — вызывают вопросы, которые содержат в себе очевидные парадоксы и вполне могут вести к исследовательскому параличу: Наука как возможность науки? Наука, которая не выступает более в форме логики, а является формой грамматологии? История возможности истории, которая не будет больше археологией, философией истории или историей философии? Эти вопросы явно выводят грамматологический анализ за пределы нормальной науки, равно как и оставляют его за пределами западной философии, являющейся философией фоно/логоцентризма. Эти вопросы проблематизируют саму возможность грамматологии.

Проблемы логичности и научности грамматологии начинаются уже с понятия или конструкта письменности, ибо в данном случае именно конструкт письменности должен определять область науки. Что, однако, может представлять собой наука о письменности, если само собой разумеется, что:

- 1) сама идея науки появилась в определенную эру письменности;
- 2) идея науки была определена и сформулирована как проект, располагающийся и реализующийся в языке, который, в свою очередь, основывается на уже сложившемся, ценностно-детерминированном и оформленном взаимоотношении речи и письменности;
- 3) наука как таковая с самого начала оказывалась увязанной с концепцией фонетического письма, которое и понималось как телос письменности, хотя наука, особенно математика как ее нормативный образец, всегда уклонялась от фонетизма;
- 4) в строгом смысле общая наука о письменности появилась в определенный период истории (в 18 в.) и в определенной, уже сложившейся системе взаимоотношений устной речи и описания;
- 5) письменность есть не только вспомогательное средство фиксации, находящееся на службе науки, но прежде всего условие возможности идеальных объектов и потому условие научной объективности как таковой. Прежде чем стать объектом науки, письменность является условием науки, условием *episteme*;
- 6) историчность сама по себе увязана с возможностью письменности вне связи с конкретными формами письменности, которые могут и отсутствовать у тех или иных народов, уже живущих в истории. Прежде чем быть объектом истории, письменность открывает само поле истории как развертывание истории. Первое (*Historie* по-немецки) предполагает последнее (*Geschichte*).

Все эти факторы и условия, фиксируемые историей западной культуры, обнаруживают весьма любопытную ситуацию, в которой находится письменность как предполагаемый объект грамматологического исследования в ее соотношении с самой идеей научности. Каждое из этих условий по-своему, но достаточно радикально выводит письменность за пределы любого исследования, претендующего на научный (как, впрочем, и на философский) статус. Особенно это касается пункта о предпосылочности

письменности по отношению к самой истории как таковой, чем окончательно фиксируется невозможность какого бы то ни было исследования письменности, претендующего на научность, даже в контексте ее исторического анализа.

Несмотря, однако, на эти принципиальные ограничения, западная культура всегда сохраняла иллюзию подвластности письменности некоторому концептуализированию и до сих пор, по сути, пребывает в уверенности, что письменность подчиняется тому, что Деррида называет «этноцентризмом... логоцентризмом: метафизикой фонетической письменности»¹. Этноцентризм на основе присущей данному типу культуры письменности вступает в весьма сложные взаимоотношения с письменностью, различающейся в разных типах культур. В принципе, существует 2 типа письменности — фонологизм и иероглифика — формирующих, соответственно, разные типы культур и различные формы этноцентризма. Этноцентризм иероглифической культуры приобретает специфическую форму иероглифической Вселенной. Что касается этноцентризма фонологической культуры, то здесь он как раз и выступает в форме логоцентризма, который определяется метафизикой фонетической письменности.

Особенностью письменного развития человечества (по меньшей мере, развития западной культуры), по Деррида, является «фонетизация письменности», представляющая собой два последовательно друг за другом разворачивающихся процесса — переход от иероглифического письма к фонологии и вытеснение нефонетических элементов из фонетического письма. Фонетизация письменности достигает своего наивысшего развития как раз в то время, когда начинают все более явственно обнаруживаться принципиальные ограничения фоно/логоцентризма, ограничения, проявляющиеся в разных областях культуры и даже, как это ни парадоксально, в развитии науки (к примеру, в биологии и кибернетике). Эти ограничения обнаруживаются не менее парадоксальным образом (ибо речь идет о насквозь логоцентристской науке Запада) — через либерализацию самого понятия письменности, снятие его логоцентристской блокады.

Грамматология приходит к понятию письменности, оказывается в состоянии каким-то образом обнаружить само понятие письменности только после того, как присущее западной культуре камуфлирование, логоцентристская репрессия письменности, достигнув своего наивысшего выражения, начинает демонстрировать некоторые слабости маскировки, выявлять свои принципиальные ограничения. Демонстрацию этих слабостей и ограничений можно усмотреть не только в некоторых областях современной науки, но и в культуре в целом.

Однако письменность становится еще и чем-то более значительным: все процессы, происходящие в современной культуре в связи с письменностью, меняют наши представления не только о языке, но и культуре в целом. «Намеком на либерализацию письменности, — отмечает Деррида, — намеком на науку о письменности, где властвует метафора, ... не только создается новая наука о письменности — грамматология, но и обнаруживаются знаки либерализации всего мира как результат некоторых целенаправленных усилий. Либерализация старого мира есть, по сути, создание некоторого нового мира, который уже не будет миром логической нормы, в котором окажутся под вопросом, будут пересмотрены понятия знака, слова и письменности»².

¹ Гурко Е. Н. Тексты деконструкции. Томск, 1999.

² Гурко Е. Н. Тексты деконструкции. Томск, 1999.

Что представляет особый интерес здесь, так это идея абсолютной близости логоса и логики. Представление о тождестве логики и логоса позволяет достаточно легко разделять рациональность и логику; ибо если логика совпадает с логосом или словом сказанным, то на долю внелогической рациональности остается то, что принципиально не может быть выражено, что обозначается только письменным знаком. Отсутствие звуковой оболочки знака, которое Деррида полагает возможным по отношению к некоторым знакам (таким, как знаки иероглифики) дает, казалось, достаточно веские основания для разъединения логики и рациональности. Однако подобное разъединение, как представляется, оказывается возможным лишь в некотором абстрактном смысле, по отношению к такой культуре, которая бы объединяла в одно целое иероглифику и фонологизм, чего никогда не бывает в реальной истории (даже японская культура, в которой присутствуют оба эти типа письменности, не объединяет, а лишь удерживает их вместе).

«Логос может быть бесконечным и настоящим, может быть присутствующим, может производиться как привязанность-к-самому-себе только посредством голоса. Таков, по крайней мере, опыт или сознание голоса как слышания-понимания-себя-говорящим. В этом смысле то, что оказывается за рамками голоса или полной речи, становится, по логике рассуждения, за пределами присутствия и в этом смысле выпадающим из логоса/логики и рациональности, ибо говорить о не-присутствии — это такая же бессмыслица, как говорить не-голосом, т.е. не говорить вообще»³.

Важно подчеркнуть, что роль голоса оказывается доминирующей лишь в культуре фонологического типа. В культурах другого, иероглифического типа складывается совершенно иная ситуация и с присутствием, и с языком, и с философией, и с письменностью.

Теперь подробнее рассмотрим само понятие письменности. Следует заметить, что отношение к этому понятию весьма амбивалентно в деконструкции. Не отказываясь от метафизического понятия письменности, Деррида оставляет его не только из-за логики палеонимии/прививки, но и потому, что письменная графика имеет существенное значение для развития различных типов культур. Основное внимание, однако, он уделяет анализу письменности в широком смысле слова, которую он называет «пра-письменностью» (*archi-écriture*).

Почему деконструкция, которая ставит своей целью разработку концепции письменности как *archi-écriture*, все же сохраняет вульгарное понятие письменности, определяется, по Деррида, самим понятием «*archi-écriture*», той новой концепцией, чью необходимость мне бы хотелось обозначить и подчеркнуть здесь и называть письменностью только потому, что это название некоторым сущностным образом коммуницирует, соотносится с вульгарной концепцией письменности. Эта коммуникация весьма отчетливо прослеживается в иероглифике, однако существует и в фонетике. Она была обозначена Деррида в его анализе типов знаков, когда, с одной стороны, любые знаки, в том числе и письменная графика, могут рассматриваться как знаки письменности/*archi-écriture*, а с другой стороны, письменные знаки как графика используются для их транспортировки и, стало быть, граничат уже с самим пространством *archi-écriture*.

Если эти различия еще можно каким-то образом уловить, то смысловые различия в использовании понятия «письменность» содержатся лишь в контексте и могут ускользнуть из рассмотрения. Это связано с многозначностью самого французского слова

³ Гурко Е. Н. Тексты деконструкции. Томск, 1999.

«l'écriture», которое в русском переводе может быть обозначено не просто различными смыслами, но даже разными словами:

- 1) как результат — письмо (текст);
- 2) как процесс — написание (писание);
- 3) как средство, используемое в процессе, т. е. как средство/процесс — письменность.

В русскоязычной литературе общеупотребительным является первый вариант. Конечно, все три перевода близки друг к другу, так что в содержание «письма» можно включить и процессуальные, и опосредующие контексты. Однако следует признать, что такое представительство явно неполное, ибо в таком переводе делается акцент на такие аспекты смысла, которые не являются ведущими не только для *archi-écriture*, но и для вульгарной концепции письменности. Принятый здесь перевод — письменность — позволяет в большей мере, чем перевод через «письмо», выразить содержание и *archi-écriture*, и вульгарной концепции. «Письменность» совершенно очевидна как процесс и средство «L'écriture» в обоих указанных толкованиях. Несколькo менее очевидна связь письменности с письмом, однако если иметь в виду, что письменность, объединяя в себе значения средства и процесса «L'écriture», неизбежно указывает и на результат этого процесса, то перевод «письма» через «письменность» можно принять, хотя и с оговорками. Они касаются, прежде всего, расхожего понимания письменности как письменной графики. Это понимание, однако, вполне укладывается в концепцию «L'écriture» и, в особенности, «*archi-écriture*», если анализировать различия типов культур в зависимости от типов смыслоозначения как типов письменности (фонетической, иероглифической или комбинированной, фонетически иероглифической), принятых в данных культурах.

Таким образом, то, к чему приходит Деррида в результате своего размышления о возможности грамматики как новой концептуальной конструкции (философской или научной, или того и другого, или ни того, ни другого, если иметь в виду философию как метафизику присутствия и рационалистическую науку) относительно нового толкования письменности, представляет собой как бы множество парадоксов, обнаруженных им на разных уровнях анализа и сформулированных в различных исследовательских парадигмах.

УДК 792.03 (476)

Н. І. Наркевіч, асістэнт

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫ РУХ У ПАЧАТКУ ХХ СТ. І СТАНАЎЛЕННЕ БЕЛАРУСКАГА ПРАФЕСІЙНАГА ТЭАТРА

The article is devoted to the problem of creation of the Belarusian national theatre at the beginning of the 20-th century and the work of the first professional theatre headed by I. Bujnitsky.

Канец XIX — пачатак ХХ ст. — перыяд, калі пачалося нацыянальнае адраджэнне беларускага народа. Рост самавыядомасці беларусаў, пашырэнне нацыянальнага руху за самавызначэнне спрыялі далейшаму развіццю беларускай культуры.

Трэба адзначыць, што важную ролю ў развіцці беларускага нацыянальна-культурнага руху адыгрывалі станоўчыя змены ў сістэме адукацыі, назіралася яе абнаўленне і пашырэнне. Пад уплывам падзей 1905—1907 гг. ажывіўся друк. Была